

Ходили слухи, что Чэн И относится к Сан Цзинлэ как к драгоценности, держа его взаперти в трехэтажном особняке, боясь, что кто-то увидит его.

А как было на самом деле?

Сан Цзинлэ сидел у окна, на котором была установлена металлическая решетка. Работа известного французского дизайнера, которая гармонично вписалась в фасад, но все же не могла скрыть того, что это была решетка, символизирующая заточение.

Это был подарок Чэн И после того, как Сан Цзинлэ попытался сбежать, разбив окно.

За дверью слышались шаги, но Сан Цзинлэ не хотел обращать на них внимания. Вошедший постучал, но, не дождавшись ответа, сам открыл дверь.

Чэн И, неся обед, подошел к Сан Цзинлэ и поставил тарелку на стол рядом с ним:

— Ешь.

Сан Цзинлэ не реагировал, продолжая смотреть в окно.

Чэн И слегка наклонился, взял Сан Цзинлэ за подбородок и повернул его лицо к себе:

— Ешь.

Сан Цзинлэ молча взял палочки и начал механически есть.

Чэн И, почувствовав свою резкость, вздохнул и сел напротив Сан Цзинлэ:

— Если ты будешь вести себя хорошо, просто есть и спать, и не делать глупостей, я выполню любое твое желание.

Сан Цзинлэ не ответил, но на его губах появилась ироничная улыбка.

Когда Сан Цзинлэ доел, взгляд Чэн И смягчился:

— Сегодня хорошая погода, хочешь прогуляться?

Сан Цзинлэ слегка оживился. Он уже не помнил, когда последний раз выходил из этого особняка.

Чэн И, заметив изменение в настроении Сан Цзинлэ, с радостью спросил:

— Куда хочешь пойти?

Сан Цзинлэ задумался, а затем тихо сказал:

— Я хочу... увидеть старшего брата.

Чэн И нахмурился:

— Нет!

— Почему! — Сан Цзинлэ поднял голову, с ненавистью глядя на Чэн И.

— Я сказал, нет, — Чэн И встал. — Похоже, ты не хочешь выходить. Ладно, оставайся дома.

— Ты! — Сан Цзинлэ, разозлившись, побледнел и, схватившись за грудь, начал задыхаться.

Чэн И, испугавшись, достал лекарство из кармана и, обняв Сан Цзинлэ, дал ему таблетку. После этого он уложил его на кровать.

Через несколько минут после приема лекарства лицо Сан Цзинлэ вернулось к нормальному цвету. Однако он закрыл глаза, делая вид, что Чэн И рядом нет.

Чэн И долго смотрел на него, а затем внезапно наклонился и грубо поцеловал Сан Цзинлэ. Тот стиснул зубы, не позволяя Чэн И войти, молча сопротивляясь.

После долгой борьбы Сан Цзинлэ сдался, и Чэн И победил, углубив поцелуй.

После поцелуя Сан Цзинлэ крепко закрыл глаза, сжал губы, а из уголка глаза скатилась слеза.

Чэн И тяжело вздохнул:

— Если бы была следующая жизнь, я бы хотел, чтобы все было иначе.

Сказав это, он вышел из комнаты.

Сан Цзинлэ, слушая звук закрывающейся двери, чувствовал только горечь.

«Если бы была следующая жизнь, я бы хотел никогда не встречать Чэн И».

— Конечно, ты поедешь со мной домой, о чем тут думать, — сказал Чэн И.

— Неудобно... — Сан Цзинлэ колебался.

— Что тут неудобного? Ты мой человек, значит, должен быть со мной.

Эти слова Чэн И заставили Сан Цзинлэ покраснеть, и он не смог ничего ответить, оставаясь молчаливым до конца ужина.

На двадцать восьмой день лунного календаря Чэн И взял Сан Цзинлэ с собой в родовое поместье Чэн. Лечение Чэн Гуанэня дало свои результаты, и, хотя он отошел от дел, его дух был бодрым.

Недавние действия старшей тети Чэн каким-то образом дошли до Чэн Гуанэня. К этому любовнику сына он относился с неоднозначными чувствами.

Сан Цзинлэ впервые оказался в доме Чэн и чувствовал себя как невеста, представляющаяся родителям жениха. Перед отъездом он трижды переодевался, прежде чем согласился выйти из дома.

Маленький господин был очень требователен к своей внешности. Всю дорогу он волновался о том, как его примет семья Чэн. В прошлой жизни Чэн И слишком его оберегал, и он мало общался с этой семьей. В этой жизни он не хотел, чтобы Чэн И сражался в одиночку.

Это было их общее дело, и они должны были справляться вместе.

Однако, когда Сан Цзинлэ встретился с Чэн Гуанэнем, он понял, что все его опасения были напрасны. Чэн Гуанэнь относился к нему нейтрально, как к обычному гостю. Он даже поинтересовался здоровьем отца Сан Цзинлэ.

Сан Цзинлэ, конечно, ответил на все вопросы, но Чэн Гуанэнь не проявлял особого интереса. После нескольких фраз он сказал, что устал, и попросил Чэн И провести Сан Цзинлэ в комнату для отдыха.

Дом Чэн был намного больше, чем дом семьи Сан, и, хотя он был перестроен, в его интерьере чувствовалась строгость.

Сан Цзинлэ послушно последовал за Чэн И в его комнату. Войдя, он сразу понял, что здесь давно никто не жил. Комната была оформлена в холодных черно-белых тонах, все было минималистично и безжизненно.

Чэн И поставил немногочисленные вещи и сказал:

— Я давно здесь не жил, так что тебе придется немного потерпеть.

— Хорошо, — Сан Цзинлэ осмотрелся, а затем достал свою одежду из сумки и повесил ее в шкаф.

— В ближайшие дни дома будет много людей, все будут приезжать. Если они что-то скажут... просто не обращай внимания, — Чэн И беспокоился.

Сан Цзинлэ, закончив развешивать одежду, плюхнулся на кровать и, перевернувшись, посмотрел на Чэн И:

— Со мной все в порядке, а тебе в эти дни придется потрудиться.

Чэн И, глядя на Сан Цзинлэ, который катался по кровати, как щенок, почувствовал нежность.

Семья Чэн была большой, и родственников было немало. Старшая тетья Чэн, второй дядя Чэн и Чэн Гуанэнь были одной ветвью, но помимо них было много других родственников.

Как и говорил Чэн И, за два дня в доме появилось более десяти человек. Сан Цзинлэ, боясь неприятностей, решил оставаться в комнате.

В первый день Чэн И еще мог проводить время с Сан Цзинлэ, играя в игры и читая книги, но на второй день он уже был занят. Как новый генеральный директор корпорации Чэн, он должен был общаться с родственниками.

В канун Нового года Сан Цзинлэ уже не мог избежать участия. Его место было рядом с Чэн И, который, естественно, сидел рядом с Чэн Гуанэнем.

Как только Сан Цзинлэ сел за стол, он почувствовал на себе множество взглядов. Некоторые смотрели с недоумением, другие с любопытством, а кто-то и с неприязнью.

Взгляд старшей тети Чэн был слишком откровенным, и Сан Цзинлэ беспокойно ерзал на стуле. Чэн И тоже заметил это и, нахмурившись, посмотрел на старшую тетю.

Ужин еще не начался, и, по традиции, замужние дочери должны были оставаться в доме мужа в канун Нового года. Но старшая тетья Чэн приехала с семьей в дом Чэн.

Заметив взгляд Чэн И, старшая тетья с неприязнью пробормотала:

— Смотрите, кто тут у нас. Разве дом Чэн — это место для всяких бездельников, чтобы сидеть за столом?.. Просто возмутительно...

Ее слова повисли в воздухе, и за столом воцарилась тишина. Чэн И, естественно, был недоволен:

— Мо Ци и Мяо Юй тоже не носят фамилию Чэн. Дом Чэн действительно не для всех.

Ли Мо Ци и Ли Мяо Юй были детьми старшей тети Чэн, пятнадцати и семи лет соответственно. На этот праздник старшая тетя, конечно, привезла своих любимых детей.

— Ты! — старшая тетя, услышав, что Чэн И сравнил Сан Цзинлэ с ее детьми, была в ярости. Она уже собиралась разразиться гневной речью, но тут раздался спокойный голос.

— Сяо И, как ты разговариваешь с тетей!

Чэн Гуанэнь, которого подвели к главному месту за столом, впервые после болезни появился перед всеми. Хотя болезнь подкосила его здоровье, это никак не повлияло на его авторитет.

Сказав это Чэн И, Чэн Гуанэнь обратился к старшей тете:

— Гуан Цзюань, ты уже не молода. И к чему тебе ссориться с ребенком?

Эти два замечания, казалось, были упреком Чэн И за неуважение к старшим, но также указывали на то, что старшая тетя была слишком мелочной.

Старшая тетя, почувствовав себя неловко, больше не спорила. Сан Цзинлэ же был расстроен, ведь ужин еще не начался, а Чэн И уже вступил в конфликт с семьей. Что же будет дальше?

Чэн И, почувствовав беспокойство Сан Цзинлэ, тихо сказал:

— Не волнуйся, все в порядке.

Сан Цзинлэ посмотрел на Чэн И и тихо ответил:

— Хорошо...

<http://bllate.org/book/16468/1495136>